

ряда папирусов автор устанавливает, что Досифей действительно историческое лицо, и дает краткое описание его служебной карьеры.

В рецензируемых томах несколько меньше места, чем в предыдущих, уделено публикации папирусов.

А. Батай публикует (т. VI, стр. 185—194) три папируса из коллекции Клермон-Ганно (№№ 3—5)¹; № 4 (конец II—начало III в. н. э.) содержит двуязычную расписку всадника, ценность которой состоит в том, что подтверждается однозначность терминов *dispensator Caesaris* и *οἰκονόμος Καίσαρος*. Текст папирусов дан с подробным комментарием.

Под названием «Архив Леона» С. Брэдфорд Уэллс и Дж. Эванс (т. VII-VIII, стр. 29—70) публикуют шесть папирусов из собрания Иельского университета². Издатели дают описание папирусов, греческий текст, перевод и краткое введение к каждому из них. Содержание папирусов разнообразное. Некоторые из них повреждены и вследствие этого, а также недостаточной ясности содержания представляют определенные трудности. К публикации папирусов приложена статья о виноделии и виноторговле в птолемеевском Египте, в которой большое внимание уделяется производству вина и вопросам налогообложения. Поскольку в одном из папирусов (P. Yale Inv. 1622), по видимому, затронут вопрос о снабжении солдат вином, авторы подробно останавливаются и на этой стороне дела.

Из опубликованных папирусов наиболее ценным нам представляется P. Yale Inv. 1647, который вносит существенные изменения в наши представления о правительственном контроле над хозяйственной жизнью Египта. На основе этого папируса можно сделать вывод, что планировка культур *δικυραφή τοῦ* *στοῦ* производилась местными властями, а затем утверждалась центральной администрацией и возвращалась для исполнения нижестоящим инстанциям.

В рецензируемом журнале опубликован также (т. VI, стр. 7—15) опыт расшифровки покойным чешским ученым Б. Грозным четырех пиловских табличек из серии табличек, изданных Е. Беннеттом. Публикация воспроизводит текст, дает транскрипцию и перевод текста табличек. Тут же дан краткий комментарий.

Значительно расширен библиографический отдел, главным образом за счет введения периодической рубрики «Клинописные библиографические заметки» (т. VI, стр. 153—184; т. VII-VIII, стр. 295—356). Заметки, принадлежащие перу чешского востоковеда И. Климмы, отличаются от обзоров того же автора на ту же тему в *Archiv Orientalni* тем, что Клима, группируя рецензируемые работы (публикации источников, монографии, статьи) по темам и проблемам, анализирует лишь те из них, которые представляют выдающийся интерес для специалистов. В числе этих работ нашли свое место исследования советских историков И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили и др.

Отдел папирилогической библиографии (обзор источников и литературы) ведет Р. Таубеншлаг. Его заметки, при всей их краткости, представляют большой интерес вследствие уточнений, дополнений, соображений, высказываемых им попутно при рецензировании работ.

И. Ф. Фихман

E. SERENI, Comunità rurale nell' Italia antica, Roma, «Rinascita», 1955, 621 стр.

Рецензируемая работа посвящена мало исследованной в литературе проблеме. Известно, какую выдающуюся роль играла сельская община на древнем Востоке и

¹ P. Clermont-Ganneau № 1 опубликован в JJP, IV (1950), а № 2 в «Aegyptus», XXXI (1951), № 2.

² P. Yale Inv. 1641 (240—220 гг. до н. э.); P. Yale Inv. 1647 (232 г. до н. э.); P. Yale Inv. 1622 (231 г. до н. э.); P. Yale Inv. 1634 + 1585 (229 г. н. э.); P. Yale Inv. 1635 (б. д.).

в странах Западной Европы в период вызревания феодализма. Что касается сельской общины в античном мире, то ее роль изучена совершенно недостаточно. Настоящий труд является монографией по истории лигуров и одновременно обобщающей работой по сельской общине в древней Италии.

Первая часть труда «*Sententia Minuciorum*» и сельская община в древней Лигурии» (стр. 4—90) содержит характеристику источников, предмета и метода исследования. В начале автор подвергает обстоятельному анализу известную еще с 1506 г. надпись, так называемую таблицу из Польчеверы (стр. 5—51). На анализе этой надписи покоится все исследование, и автор возвращается к ней и в дальнейшем, особенно в третьей части труда. Надпись из Польчеверы представляет собой решение братьев Квинта и Марка Минуциев, назначенных арбитрами для разбора пограничных споров между союзной римлянам общиной Генуи (*Genuates*) и соседними с ней сельскими общинами (главным образом *Langenses Vituri*).

Анализируя надпись, автор устанавливает наличие трех категорий земель, различных по своему юридическому положению. Первая категория — *ager privatus*. Им жители могли распоряжаться по своему усмотрению, и он не подлежал обложению. Вторая категория — *ager publicus populi Romani*. Он оставался в пользовании жителей, за что они должны были уплачивать Генуе определенную денежную сумму. Наибольший интерес представляет третья категория земель — *ager compascuus*¹.

В отличие от других исследователей автор полагает, что *ager compascuus* — это пастбище не одного поселения, а пограничная территория, используемая несколькими поселениями для пастбы скота. В существовании этой категории земель автор и видит свидетельство наличия сельской общины типа франкской марки. Автор полагает, что в период составления сентенции пахотная земля, находившаяся прежде в общем владении, уже была поделена между общинниками, но пастбища, как у франков времени Салической Правды, оставались общими.

Выводы автора представляются нам вполне резонными. Можно только удивляться, как до сих пор историки не обращали внимания на этот давно известный эпиграфический памятник. Принимая во внимание, что сентенция составлена в 117 г. до н. э., мы должны рассматривать ее как древнейшее свидетельство существования общины в Италии². Данными надписи из Польчеверы автор подкрепляет известное марксистское положение, что сельской общине предшествовала родовая община (стр. 25—29). Он исследует те силы, которые разрушали общину, способствовали имущественной и социальной дифференциации и образованию государства (стр. 40—51).

Раньше всего родовой строй начинает разлагаться в общине Генуи, население которой принимало участие в мореплавании и торговле. Генуя превращается в общину городского типа и начинает утверждать свое господство над сельскими общинами. На основании таблицы из Польчеверы и сведений античных авторов Серени приходит к выводу о существовании объединения древних лигурийских общин — *conciliabulum*, имевшего общие пастбища и общий культ.

Крупную роль в разложении родового строя сыграло римское завоевание.

Определяя географические рамки исследования, автор затрагивает проблему расселения лигуров (стр. 56—69). Эта проблема является, как известно, одной из наиболее запутанных в истории древнейшей Италии и не менее важной, чем этрусская проблема.

Античные авторы говорят о лигурах, как о древнейшем населении запада, расселенном от Ладдума до Тарракона в Иберии; археология же вплоть до последних лет не находила столь же широко распространенной археологической культуры. Поэтому

¹ *Quoi ager compascuus erit, in eo agro minus pecus (p)ascere Genuates Veiturosque liceat ita utci in cetero agro Genuati compascuo niquis prohibeto nive quis vini facito neque prohibeto quo minus ex eo agro ligna materiamque sumant utanturque* (стр. 32—35).

² Дата устанавливается из 3-й — 5-й строк: *dixerunt eidib(us) Decemb(ribus) L. Caecilio Q. f(ilio) Q. Muncio Q. f(ilio) cos.*

ряд исследователей не придавал веры сведениям древних авторов о широком расселении лигуров.

На территории северо-западной Италии, правда, еще в прошлом веке была обнаружена культура Голасекки¹. Но она имела весьма ограниченный ареал, и не было полной уверенности в ее принадлежности лигурам, так как в этих же местах жило и кельтское население.

Разрешению этой проблемы способствовали раскопки последних лет на территории Прованса. Французский ученый Луи в годы второй мировой войны обнаружил на территории Прованса две культуры². Первая из них, характеризующаяся трупосожжениями, датируется находками греческой керамики VIII—VI вв. до н. э. Эта культура близка культуре Голасекки. В этом же районе обнаружена культура «погребальных холмов», обнаруживающая сходство с гальштатской культурой, культурой кельтов.

Таким образом, подтверждается широкое распространение лигурийской культуры, и культура Голасекки с полным основанием может быть теперь отнесена к лигурам.

Для решения проблемы расселения лигуров, помимо археологических источников и сведений традиции, Серени особенно широко использует данные языка. В древних и современных географических названиях северной и средней Италии имеется часть названий с суффиксами *-asca*, *-asco*, *-inc*, *-ell*, с полным основанием относимая к лигурам³. Автор прослеживает распространение этих названий (стр. 64—69). В них он находит подтверждение сведений античных авторов о том, что лигуры населили долину По, Этрурию, альпийские области, южную Галлию, северную Иберию, Корсику.

В заключительной, четвертой главе первой части дается систематический обзор эпиграфических, лингвистических и иконографических источников⁴, характеристика методов исследования (стр. 70—89).

Вторая часть книги (стр. 93—302) посвящена примитивной сельской общине и общественным институтам эпохи военной демократии.

В современной зарубежной историографии, посвященной проблемам этногенеза и расселения итальянских племен, национальная общность нередко смешивается с племенной и расовой общностью. Это побудило автора подробно остановиться на этнических группировках эпохи военной демократии, на их терминологии (стр. 95—128). Автор считает лигуров народностью и употребляет для ее обозначения греческое слово *ἔθνος* (итальянское слово *nazione* может обозначать как народность, так и нацию). К этой народности относились многочисленные племена, обитавшие на территории северной Италии, южной Галлии, северной Иберии, например: ингавши, интемелии, альбии, декиеты и др. Некоторые из этих племен, подобно ирокезам или грекам, объединялись в союзы. Наличие союзов племен автор устанавливает по количеству выделяемых воинов, поскольку древние авторы не сохранили определенного термина для обозначения племенной конфедерации лигуров (стр. 116—122).

Значительный интерес представляет глава «Война и военная демократия» (стр. 148—178). Автор, стоящий на позициях марксизма, изучает войну как явление историческое, связанное с определенной степенью общественного развития.

¹ «Bulletino di Paleontologia Italiana», т. II, 1876, стр. 87—106; см. также P. L. A. v i o s a Z a m b o t t i, *Le origini della civiltà di Golasecca*, «Studi Etr.», т. IX.

² M. L o u i s, *Le premier âge du fer et les Ligures dans le Languedoc méditerranéen*, «Rivista di studi liguri», 1955, № 1.

³ H. K r a h e, *Ortsnamen als Geschichtsquelle*, Heidelberg, 1949, стр. 13; он же, *Die Indogermanisierung Griechenlands und Italiens*, Heidelberg, 1949, стр. 36; V. P i s a n i, *Il linguaggio degli antichi Liguri*, в кн. «Storia di Genova», т. I, стр. 385.

⁴ Под иконографическими источниками Серени понимает наскальные рисунки Alpe Cozie, Monte Bego и Val Camonica, которым в последнее время уделяется значительное внимание; см. F. A l t h e i m, *Geschichte der lateinischen Sprache von den Anfängen bis zum Beginn der Literatur*, Frankf., 1951, стр. 981.

«Воинственность» лигуров, о которой сообщают античные авторы¹, и характер ведения ими военных действий он справедливо объясняет тем, что они находились на переходной ступени развития от первобытно-общинного строя к классовому, переживали стадию военной демократии. На основании данных Тита Ливия и Полибия о войнах римлян с лигурами автор восстанавливает основные черты военной организации лигуров. В период войн с римлянами у лигуров еще не было государства и не существовало постоянного войска, отделенного от народа. Все способное носить оружие лигурийское население составляло ополчение. Объявление войны производилось на народном собрании и сопровождалось торжественной присягой и религиозными церемониями.

Терминов лигурийского происхождения для обозначения военачальников не сохранилось, но, подвергая анализу греческую терминологию, автор приходит к выводу, что у лигуров уже выделились военные предводители, которым принадлежало не только военное руководство, но и инициатива объявления войны (стр. 159). В этой же главе автор касается вопроса о вооружении лигуров и выясняет значение войны в углублении социального неравенства и развитии рабовладельческих отношений.

На материале истории лигуров автор поднимает интересную проблему о законах населения, свойственных античному обществу (стр. 180—200). Острие своей критики Серени направляет против мальтузианской теории абсолютного перенаселения. Лигурия в древности считалась густонаселенной страной. Эту густоту населения автор трактует как относительное перенаселение и видит в нем одну из причин военной эмиграции в форме наемничества. Очень интересна попытка связать наемничество с таким институтом эпохи военной демократии, как *veg sacrum*, хотя он прямо и не засвидетельствован у лигуров.

Специальную главу автор посвящает исследованию процесса социальной дифференциации у лигурийского населения и возникновению государства. Поскольку сведения о социальной дифференциации у лигуров очень скудны, автор привлекает данные об общественном строе соседей лигуров — кельтов. Анализируя данные римских писателей о *principes*, автор прослеживает возникновение социальной иерархии. Страницы, посвященные царской власти у лигуров, принадлежат к лучшим в книге. Серени приходит к выводу, что институт царской власти у лигуров и кельто-лигуров имеет сравнительно позднее происхождение и был распространен в конце бронзового и начале железного века. Изучая функции царской власти, автор выводит ее из родовых должностей жреца и военачальника.

Обстоятельно трактуются автором проблемы рода у лигуров (стр. 254—302). Среди современных итальянских историков вряд ли можно найти хотя бы одного, отрицающего родовой характер общественных отношений итальянских племен². Однако, признавая первобытно-коммунистические отношения, некоторые итальянские историки подходят к ним с предвзятыми представлениями, порожденными их ненавистью к современному коммунизму.

Патрони говорит о «скотском образе жизни» населения террамар, якобы попавшего под иго «коммунистической тирании»; он сравнивает поселения террамариколов с муравейниками даже находит в террамарах организацию труда по... советскому образцу (!)³.

В прочитанном на X Всемирном конгрессе историков докладе Франтиши мы не найдем подобного рода фальсификаций и столь откровенной вражды к коммунизму. Однако обращает на себя внимание то, что, перечисляя десятки различных точек зрения на римскую родовую организацию, докладчик даже не упомянул давно и хорошо

¹ Dionys., I, 44; Diod., IV, 20; Strabo, V, 2, 5.

² Библиографию новейших итальянских работ о роде у римлян и италиков см. у P. de Francischi, *La comunità sociale e politica Romana primitiva*, «Relazioni», т. II, стр. 64.

³ G. Patroni, *La preistoria*, т. II, стр. 850—851 в кн. «Storia politica d'Italia», Milano, 1937.

известную итальянскому читателю книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и не остановился на высказанном в этом классическом труде взгляде на римский род. Обойден молчанием также труд американского ученого Моргана «Древнее общество».

Все сказанное достаточно ясно говорит о том, сколь важно для итальянской науки появление труда, использующего достижения марксизма-ленинизма в изучении первобытно-общинных отношений.

Рассматривая свидетельства Трога Помпея и других античных авторов, Серени приходит к выводу, что основной общественной единицей у лигуров в VI в. до н. э. был патриархальный род, сохранивший больше пережитков матриархальных отношений, чем римский род. Используя разнообразие источников, автор обстоятельно исследует эти пережитки матриархата.

В отличие от большинства западноевропейских историков Серени рассматривает матриархальный род не как простой эпизод в истории первобытного населения Италии, а как всеобщую стадию, через которую прошли все племена Апеннинского полуострова. При конкретном анализе памятников он опирается на достижения советской науки. В частности, ему хорошо известна монография М. О. Косвена «Матриархат».

Серени отрицает расовый характер женских стеоатопигических статуэток, который доказывают многие современные исследователи. Вместе с П. П. Ефименко¹ факт появления и широкого распространения в первобытном искусстве подобной тематики он связывает с матриархальной организацией общества эпохи верхнего палеолита и неолита. Автор полагает, что женские статуэтки, находящиеся в области расселения лигуров, являются изображениями матери-прародительницы, являвшейся центральной фигурой в религиозном культе эпохи матриархата.

Переход к патриархату автор связывает с развитием производительных сил, с развитием скотоводства и новой техники обработки земли. Кризис родовых учреждений он прослеживает по лигурийской ономастике — именам, упоминаемым в лепонтийских надписях.

В третьей части монографии исследуется процесс перехода лигуров к оседлости и характер их поселений (стр. 305—556). Начало этого процесса автор связывает с переходом от примитивной орды к материнскому роду. Но о поселениях этого времени нет источников. Следующая ступень по пути к оседлости — переход от материнского к отцовскому роду. Развитие производительных сил в области земледелия и ремесла явилось главной причиной большей стабилизации поселений, о чем говорят данные археологии.

В процессе расселения лигуров получают наименования различные части страны. О ранней лигурийской колонизации, проходившей в период господства родовых отношений, говорят названия гор, рек, озер, находившихся в общем пользовании (корни *alp/alb* и *renn* — для гор — Альпы, Апеннины, *ver* и *dug* — для водных источников — *Varus*, *Duria* — стр. 316).

На территории северной Италии, как известно, помимо лигуров жили пришлые кельтские племена. Серени приходит к выводу, что их поселения не отличались существенным образом от поселений лигуров (стр. 329).

Значительное место занимает исследование *pagus*'а. Он изучается не только в его географическом значении, но — что еще более важно — в социальном. *Pagus* рассматривается автором как важнейший институт, возникший в период перехода от родовой организации к классовому обществу, в эпоху военной демократии. Для его изучения Серени привлекает алиментарную таблицу из Веллеи (II в. н. э.), из которой видно, что *pagus* у лигуров получил названия по прежним племенам. Отсюда и на основании других данных Серени приходит к выводу, что *pagus* является территориальной единицей поселения племени или фратрии.

Рассматривая вопрос о так называемой *lex pagana* (стр. 372—375), Серени справедливо указывает на то, что доримский *pagus* не имел своего права. В отношении лигурий-

¹ П. П. Ефименко, Первобытное общество, 1938², стр. 420.

ского *pagus*'a, возникшего в условиях родового общества, речь может идти лишь об обычаях или о местных традициях. Эти родовые обычаи — *mos gentis* — или местные традиции — *consuetudo loci* — в классовом обществе сохраняются в виде пережитков весьма длительное время. Автор видит преемственную связь между *lex pagana* и средневековой *fabula inter vicinos*.

В связи с *pagus*'ом Серени определяет значение термина *castellum*, встречающегося в таблице из Польчеверы, а также у античных авторов. Анализируя терминологию, привлекая для сравнения археологические данные о сардинских нургах, автор приходит к выводу, что первоначально *castellum* являлся укрепленным пунктом территории *pagus*'a, куда сходилось его население при нападении извне. *Castellum* постепенно мог превратиться в политический центр, центр ремесленной деятельности, стать поселением городского типа: *oppidum*.

В 13-й главе Серени исследует другую форму поселения лигуров — *vicus*. Согласно Титу Ливию и другим авторам, лигуры жили *vicatim*. В таблице из Велен упоминаются *vici* *Blondelia*, *Lunolius*, *Lubelius*, *Nitelius* с типичным для лигурийского языка суффиксом *-el* и *vicus* *Saturniacus* с характерным для кельтского языка суффиксом *-as*. Это дает автору основание рассматривать *vicus* как основную доримскую форму поселения лигуров. Эта форма поселения сохраняется и после римского завоевания, когда на лигурийских землях возникает римский *fundus*. На основании лингвистических источников и некоторых других косвенных данных Серени приходит к выводу, что *vicus*, являясь территориальной единицей племени или фратрии, мог быть лишь поселением их части — рода. Автор обнаруживает параллелизм в организации рода и *vicus*'a: собрание рода и общее собрание *vicus*'a, родоначальник и *magister vici*, родовые обычаи и так называемая *fabula inter vicinos*, о которой нам известно из памятников средневековья.

В 14-й главе (ст. 441—518) автор возвращается к памятнику *Sententia Minuciorum* и на этот раз не только рассматривает его как источник, свидетельствующий о существовании сельской общины, но и подвергает его всестороннему текстуальному и юридическому анализу. Из трех категорий земель, упоминаемых в этом памятнике, наиболее детально автор анализирует *ager compascuus*, выясняя его отношение к *ager publicus*. Серени, как нам представляется, с достаточным основанием считает, что в период составления «Сентенции Минуциев» частная собственность на землю у лигуров еще не утвердилась — *ager privatus* противопоставляется не выражению *ager publicus castelli Vituriorum*, а выражению *ager publicus populi Romani*. *Ager privatus* означает землю, не подлежащую обложению (стр. 448—449).

Рассматривая другой источник, алиментарную таблицу из Велен (стр. 501—503), Серени выясняет эволюцию границ *pagus*'a, захват его частными лицами, образование *saltus* и *fundus*.

Большой интерес представляет исследование местных наименований общинных земель и выгонов (стр. 512—556). Обычно лигурийская топонимика и другие данные языка использовались лишь для выяснения ареала расселения лигуров. Серени блестяще использует их для характеристики экономики и общественных отношений у лигуров в доримскую эпоху. Ряд слов лигурийского происхождения говорит о наличии у лигуров общинных пастбищ, подтверждает существование сельской общины. Другие слова дают ясное представление о пейзаже страны, о запятых ее населения.

В современной буржуазной историографии общинная теория, доказывающая приоритет коллективной собственности над частной собственностью, почти не имеет распространения. Являясь сторонником общинной теории, придерживаясь марксистских положений о развитии общины, Серени доказывает существование общины на материале истории древней Италии, что делает его труд новым и интересным.

При изучении общины у лигуров Серени использует не только немногочисленные античные памятники, но и фольклор лигурийского пространства, социальные, политические, технические реликты более ранней формации, сохранившиеся в период средневековья. В этом главная особенность метода, позволившего автору прийти к интересным:

выводам. Сам по себе метод этот не нов¹. Однако Серени удалось избежать произвольных выводов и обобщений, часто связанных с использованием этого метода.

Некоторые положения автора проблематичны, да и сам Серени не рассматривает все свои выводы как окончательные (стр. 561). Но само направление исследования оказалось весьма плодотворным, как для истории одного из древнейших племен Италии, так и для проблемы происхождения и развития общины. Непредубежденному читателю книги Серени станет ясно, какие большие результаты дает изучение сложнейших проблем истории Италии с позиций марксизма-ленинизма.

Особенно приятно отметить глубокое знакомство автора с работами советских исследователей — историков, этнографов, археологов.

Книга Серени не лишена некоторых недостатков. К наиболее общим относится ее растянутость. Особенно это касается третьей части, где имеется немало повторов. Археологический материал использован автором менее полно, чем лингвистические данные. Было бы желательно полнее представить культуру Голасекки, выяснить ее связь с другими археологическими культурами Северной Италии — комацинской культурой, культурой Тридентинской Венеции и культурой террамар.

Особенно чувствуется недостаточное использование автором археологического материала в 9-й главе, посвященной процессу социальной дифференциации и возникновению государства. За исключением раздела о царской власти у лигуров, глава эта носит слишком общий, декларативный характер. Между тем археология может немало сказать о процессе имущественной дифференциации. Мало, на наш взгляд, использует Серени такой богатый источник, как рисунки на скалах Лигурии.

Обширная библиография в конце книги составлена из работ, на которые автор ссылается в тексте. Поэтому она не имеет достаточно систематического характера. Желательно составление библиографии по иному принципу, с тем, чтобы специальные исследования были отделены от работ, не имеющих прямого отношения к теме книги, например, от таких, как «Материалы по истории сельского хозяйства СССР».

Заканчивая рецензию, хочется высказать пожелание о безотлагательном переводе и издании у нас монографии Серени. После выхода трудов Модестова, т. е. за последние пятьдесят лет, у нас не появилось сколько-нибудь крупного исследования по древнейшей истории Италии. Работа итальянского историка-марксиста, бесспорно, привлечет внимание советских историков к важным проблемам возникновения классового общества и государства у племен Италии.

А. И. Немировский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И КРАТКИЕ АННОТАЦИИ

1. Работы общего характера. Справочные и библиографические издания

I. I r m s c h e r, *Praktische Einführung in das Studium der Altertumswissenschaften*, В., 1954, 141 стр. Это «Практическое введение в изучение древности» представляет собой ценную попытку ввести читателя в марксистско-ленинское понимание античного общества. В книге имеется специальный раздел «Антиковедение и марксизм», а также приведена соответствующая литература для более углубленного изучения вопроса.

¹ См., напр., G. S e r r a, *Aspetti della toponomastica ligure*, «Rivista di studi liguri», 1943.